
С. Г. Ильенко, В. П. Гредель

**КОММУНИКАТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
АНАЛИЗА РОМАНА Е. И. ЗАМЯТИНА «МЫ»
В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РУСИСТИКИ**

Одержимость исследовательская и целеустремленность прагматическая — основа подготовки учителя современного типа. В качестве стимулирующей основы выступает ментально-лингвальный комплекс, представляющий сознание (накопительная часть — пропозиция) и мышление (собственно инструментальная часть). Художественное произведение рассматривается как целостный текст с обозначенным названием с пересекающимися зонами авторской и персонажной речи. Роман Е. Замятина «Мы» трактуется как своеобразный сплав автора и вымышленного соавтора Д-503. Для первого «Мы» — космос, для второго «мы» — нумера Единого Государства.

Ключевые слова: модус, диктум, когнитивистика, концепт, антропоцентризм, Е. Замятин, ментально-лингвальный комплекс (МЛК), словарь.

S. Ilyenko, V. Hredel

**COMMUNICATIVE-SYNTACTICAL ASPECT
OF ZAMYATIN'S «WE» ANALYSIS
IN THE LIGHT OF MODERN RUSSIAN STUDIES**

Research possession and pragmatic purposefulness are basics of a modern teacher training. Mental-lingual complex to be a consciousness (accumulative part — proposition) and thinking (instrumental part itself) appears as a promotional basics. The bells letters is considered as an integral text with designated name and authors and character's discourse, which are interfering. E. Zamyatin's «We» is treated as peculiar fusion of authors novel and authors imaginary co-author D-503. For author «We» — is cosmos, for D-503 «we» — is numbers of One State.

Keywords: modus, dictum, cognitive science, concept, anthropocentrism, E. Zamyatin, mental-lingual complex (MLC), dictionary.

Требование от студента исследовательской одержимости и прагматической целеустремленности предполагает весьма продуманную и слаженную систему работы педагогического коллектива. Российские университеты прошедших столетий готовили ученых специалистов как таковых. После событий 1917 г. появилась необхо-

димость подготовить специалиста высшей квалификации не только в качестве профессионального ученого, но и в качестве учителя нового образца — педагога высшей школы, человека, способного наряду с проблемами философии и других наук вводить проблемы гносеологические, то есть более связанные с сознанием, а не просто с

механизмом мышления. Иначе говоря, как научить тому, чтобы не просто знать и размышлять обучаемому индивидууму, но суметь наилучшим образом передать это другому. Для будущего филолога это означает несокрушимый союз филологии и методических толкований.

Откровенно скажем: намеченный симбиоз — наитруднейший, которым нужно овладеть, и не штурмом, а постоянной осадой этой загадочной крепости. Об этой загадке как существеннейшей специальная литература умалчивала. Попробуем устранить эту лакуну. Как бы ни были специфичны названные слагаемые изучаемого симбиоза, у них есть глубинная подоплека — общий модус. Речь идет не о собственно грамматической модальности в трактовке академика В. В. Виноградова и его многочисленных последователей. Но «вечное движение вперед» в жизни, науке, культуре и искусстве постоянно требует обновления ориентиров. Сегодняшняя тенденция в русистике связана с дискурсивной лингвистикой: общение в данном речевом акте — я / ты → здесь → сейчас. Человеческая речь связана не только с ответом на семантический вопрос «*о чем?*», не только с ответом на прагматический вопрос «*зачем?*», и даже не с ответом, связанным с разъяснением пространственно-временного континуума: «*если — то*» (*Если появились тучи, то будет дождь*), подкрепленных экспрессивностью и эмоциональностью высказанного. Чудо человека как особи живого мира состоит в членораздельности его речи и в необходимости *речевой деятельности* как таковой, отнюдь не всегда требующей логической упорядоченности и стройности*.

Воспроизведем некую ситуацию: в электричке рядом на скамейке в течение двух-трех часов едут две женщины. В конце пути одна из них, обращая внимание на попутчиков, произносит следующее: «За разговорами-то время прошло незаметно. Вот мы и приехали. Минут пять осталось. [Гля-

дя в окно]. А погода-то какая хорошая. Кто же, интересно, меня встретит? Сумки у меня ведь неподъемные. [Улыбаясь соседке по скамейке]. Спасибо за компанию. Может, еще и встретимся». Этот фрагмент речи состоит из 8 высказываний, смысловая связь между которыми или весьма ослаблена, или вовсе отсутствует: «Минут пять осталось. А погода-то какая хорошая». Словоохотливая спутница может между высказываниями и паузы не сделать, произнести эту словесную пирамиду залпом. Однако подобные речевые пассажи мы воспринимаем как вполне естественные. Но почему? За естественностью восприятия стоят *сущностные* свойства речевой деятельности. Ее же свойства таковы:

- Опора в речевом проявлении на системно-структурную организацию языка.
- Врожденная собственно коммуникативная потребность человека говорить и слушать. Родившийся ребенок обречен на необходимость дышать, пить, есть, без чего невозможно существовать, но он обречен еще издавать звуки и их слышать, то есть общаться с себе подобными, овладевать коммуникативными приемами.
- Врожденная же потребность обязывает вписываться в среду обитания, овладевать наивной картиной мира (естественно, в разных формах и с разными результатами).
- Речевая деятельность подчинена потребности познания, важнейшей ипостасью которой является гносеологическая деятельность, связанная с ходом мысли от «вещи в себе» к открытию какой-либо ее стороны (И. Кант).
- И отсюда приобретенная благодаря опыту рефлексия, связанная с анализом и самоанализом своей собственной речи.

Все это происходит на фоне саморазвития языковой системы, прежде всего в неразрывной связи с мышлением, определяемой во втором издании энциклопедического словаря «Русский язык» (1997) как *ментально-лингвальный комплекс (МЛК)*.

Используемая ранее диада «язык и мышление» не несла заряда антропоцентричности, необходимой ориентации на языковую личность, распоряжающуюся в речи языковыми средствами, позволяющими человеку понимать человека**.

Вот важнейшее, что о нем представлено в издании 1997 г.: «В рамках МЛК мышление — прежде всего *динамическая ипостась*, сознание — *накопительно-оценочная ипостась*, а язык — *ипостась инструментальная и коммуникативная*», и на этой же странице: «Главная функция языка по отношению к мышлению заключается в дискретизации информационного континуума» [11, с. 664]. Информема, пройдя через семиозис (превращение в знак), приобретает статус первичного или вторичного означивания. Прежде всего первичное означивание опирается на ассоциативную связь *по смежности*, в результате этого возможно (что часто и случается) появление *концепта*. Именно благодаря ассоциации по смежности процессуальная концептология активно пользуется метафоризацией, фразеологией, малыми жанрами фольклора — пословицами и поговорками.

Во вторичном означивании появляющееся осложнение происходит за счет фактов *культурологического, научного и социального характера*. В качестве заметного, в социальном случае, выступает фатическая (контактоустанавливающая) функция. Человек хочет общаться, почувствовать себя в едином пространственно-временном поле, к тому же поле не замкнуто, а «нашем». Дискурсивная же сущность социального «мы» доказательств не требует. Ярчайшим примером является название знаменитого романа Е. Замятина «Мы».

О роли названия произведения писали многие. Вспомним удачную формулировку В. В. Степановой: «символическое словесное выражение концепта, получающего свое воплощение в тексте», «коммуника-

тивный ориентир для читателя — коллективного участника литературной коммуникации» [13, с. 67]. Таким ориентиром и является «мы» Замятина. Но «мы» в этом романе, по нашему убеждению, подразумевает *двух* создателей текста: с одной стороны, идея *космического* концепта «Мы» реального автора Е. Замятина, с другой — концепт «мы» социально-групповой: нумера Единого Государства с Благодетелем во главе. «Мы» писателя Е. Замятина — обитатели Вселенной, космоса, «мы» Д-503 — нумера *Единого Государства*. Именно между реальным и воображаемым автором на протяжении всего романа создается ментально-коммуникативная связь. Это нами рассматривается главным в филологической презентации романа, что, по существу, в специальной литературе опущено.

Проблема же внутренней связи между автором и повествователем (Д-503) органично соотнесена с модусом текста по трактовке знаменитого швейцарского филолога Шарля Балли. В книге «Общая лингвистика и вопросы французского языка» читаем (читатель простит нас за объемную цитату, без которой здесь невозможно обойтись): «Эксплицитное предложение состоит, таким образом, из двух частей: одна из них будет коррелятивна процессу, образующему представление (например, *la pluie* «дождь», *une guérison* «выздоровление»); по примеру логиков мы будем называть ее диктумом.

Вторая содержит главную часть предложения, без которой вообще не может быть предложения, а именно выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом. Логическим и аналитическим выражением модальности служит модальный глагол (например, думать, радоваться, желать), а его субъектом — модальный субъект; оба вместе образуют модус, дополняющий диктум.

Модальность — это душа предложения; как и мысль, она образуется в основном в

результате активной операции говорящего субъекта. Следовательно, нельзя придавать значение предложению высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности» [3, с. 44]***.

Модусные отношения отражены на всех уровнях текста романа. Это проявляется прежде всего в жанровой многоступенчатости (в специальной же литературе речь шла только о многозначности). Со стороны Е. Замятина ступенями становятся роман-антиутопия и *классическая трагедия*; со стороны повествователя Д-503 — конспект, дневник и *драма*. К концептам самого писателя следует отнести *Мы (с заглавной буквы)*, *цивилизация*, *свобода*, *право*, *роботизация*, *История (с заглавной буквы)*, *творчество*, *искусство*, *эпитафия*, к концептам Д-503 — *мы (с маленькой буквы)*, *Часовая Скрижаль*, *Единое Государство*, *Зеленая Стена*, *Благодетель*, *Хранители*, *Древний Дом*, *Строитель*, *предки*. Двойственную функцию выполняет концепт *душа*.

Для сохранения человека как особой зоологической особи необходимо удовлетворение его потребности в общении с себе подобными, то есть обладание собственно коммуникативной функции. Она важна ничуть не в меньшей степени, чем удовлетворение потребности пить, есть, дышать. Естественно, что первоначально она проявилась в звуковом виде, осложненном таким великим свойством, как членораздельность, воспринимаемым как чудо. Эти обстоятельства и явились подоплекой лингвистической, долгое время непостижимой загадкой: почему при описании и анализе речевого общения важно не только оно само, но и его создатель, говорящая личность, то есть то, что в науке стало подчеркиваться термином *антропоцентризм*. В данном случае было бы излишним, даже наивным, останавливаться на проблематике этой современной весьма разветвленной теории, но опустить разговор о ее замечательной производной — *модусе* — невозможно.

Модусная составляющая — ответ того, что проявляется в речевом высказывании. Если его смысл (семантика) диктуется реалистической данностью самой действительности, то его проявление, начало и конец, тональность, нейтральность или фиксация радости / печали, вопроса / повеления и т. п. выступают как непосредственное речевое действие лица, распорядителя этого шага в пространственно-временном его ощущении (хронотопе). Интуитивно это было воспринято уже в античности и с успехом подхвачено в следующие века. По отношению к художественному произведению оно вылилось в характеристику жанровой принадлежности. М. М. Бахтин, определяя суть жанра современного ему романа, писал: «...не просто жанр среди жанров. Это единственный становящийся жанр среди давно готовых и частично уже мертвых жанров. Это единственный жанр, рожденный и вскормленный новой эпохой мировой истории» [4, с. 448]. По мнению М. М. Бахтина, другие большие жанры, полученные, так сказать, по наследству в готовом виде, только приспосабливаются к новым условиям существования (одни лучше, другие хуже) [4, с. 448].

В этом смысле «Мы» Е. Замятина в качестве романа, как определял произведение сам писатель, и как художественное произведение вообще следует рассматривать с точки зрения функционирования в нем чужого слова. Здесь снова уместно вспомнить Ш. Балли: в указанном ранее издании наглядным примером модуса у него служило сложноподчиненное изъяснительное предложение. Оно становилось *семиотическим знаком*. Семиотическим знаком в художественном произведении при сегодняшнем восприятии следует считать также конструкцию с прямой речью. М. М. Бахтин, по существу, подводит ее под выделенную им категорию, именуемую «чужое слово». (В школьных учебниках эта конструкция рассматривается в параграфе «Прямая и косвенная речь».) Прямая речь —

с когнитивной точки зрения — источник коммуникации — эвиденциальность. По сравнению с «косвенной речью» она достаточно свободна и «демократична». Художественные произведения именно за ее счет наполняются невиданным «коммуникативным кислородом», насчитывая (в отличие от «косвенной речи») множество самых разнообразных возможностей. У Максима Горького их не менее тысячи****. Чего не скажешь о «косвенной речи» (изъяснительном предложении с диктующими структуру глаголами типа *уведомил, огорчил, обрадовал* и т. п.).

Прагматическое использование «чужого слова» не миновало и Е. Замятина (хотя сам Е. Замятин этим термином не пользовался). Эта ориентация показательна в том отношении, что если писатель в дореволюционной прозе широко воспринял тенденцию, сложившуюся в художественной прозе своего времени, то в романе «Мы» с этой тенденцией он, по существу, почти порывает. Так, в самой знаменитой повести «Уездное» обнаруживаем: *«Мало, — угрюмо бурчит Барыба, — булку»*; *«Ловко! — заржал Барыба, загромыхал, засмеялся»*; *«Эге! — смекнул Барыба»*; *«Полечился бы ты, Тимоша, ей-Богу, — крушился Чернобыльников. — Гляди, какой стал»* [9].

Обратимся к первым страницам произведения. В первой записи читаем: *«Я просто списываю — слово в слово — то, что сегодня напечатано в Государственной Газете: "Через 120 дней заканчивается постройка ИНТЕГРАЛА. Близок великий, исторический час, когда первый ИНТЕГРАЛ взойдет в мировое пространство"»*. Во второй записи появляются главные действующие лица-номера: сам Строитель Интеграла Д-503, О-90, I-330 и S-4711, а в пятой встречаем и поэта R-13. Уже в первых десяти записях представлена с большей или меньшей полнотой картина общения между главными действующими лицами. Строитель Интеграла, вовлеченный в «нелепую» для него ситуацию, *«кричит»*,

«поправляет», *«начинает»* и *«не выдерживает»*. Его в будущем «потаенная любовь» I-330, используя в основном стандартные глаголы говорения (*«сказала»*, *«перебила»*), обнаруживает, тем не менее, реакцию на слова собеседника мимикой лица (*«острая улыбка-укус»*, *«белые острые зубы»*, *«глаза были опущены — как штокры»*, *«в улыбке у ней был все время этот раздражающий икс»*): *«Она была в фантастическом костюме древней эпохи: плотно облегающее черное платье, остро подчеркнуто белое открытых плечей и груди, и эта теплая, колыхающаяся от дыхания тень между... и ослепительные, почти злые зубы... Улыбка — укус, сюда — вниз. Села, заиграла. Дикое, судорожное, пестрое, как вся тогдашняя их жизнь, — ни тени разумной механичности»*. Хранитель S-4711, будучи «двойным агентом», практически не разговаривает, зато за него говорят глаза, больше напоминающие машины: *«сверкнули глаза — два острых буравчика, быстро вращаясь, ввинчивались все глубже, и вот сейчас довинтятся до самого дна, увидят то, что я даже себе самому...»*. Поэт R-13 скрывает собственные мысли за шутками, *«говорит захлебываясь, слова из него так и хлещут, из толстых губ — брызги; каждое "н" — фонтан»*: *«"б" — фонтан из толстых, шлепающих губ...»*, *«почесал в затылке: затылок у него — это какой-то четырехугольный, привязанный сзади чемоданчик»*, *«"б" брызнуло прямо в меня»*. Самым человеческим персонажем оказывается О-90. Даже внешне она выделяется среди других номеров. *«Она похожа на свое имя: сантиметров на 10 ниже Материнской Нормы — и оттого вся кругло обточенная, и розовое О — рот — раскрыт навстречу каждому моему слову»*, — описывает ее Д-503. Она единственная открыто проявляет свои эмоции: *«розово улыбнулась»*, *«радостно-розово открыла рот»*, *«робко подняла на меня О круглые, сине-хрустальные глаза»*. У нее очень человеческое сокровенное

желание — дать новую жизнь, родить ребенка.

Для романа «Мы» характерна саморerefлексия, недаром М. А. Хатямова назвала его метароманом [15, с. 136]. В приведенном ниже фрагменте текста романа отчетливо ощущается восприятие речевой ситуации Д-503 и I-330 с точки зрения создателя текста, нумера Д-503, и даже приводятся его пояснения себе и читателю:

«Я почему-то смутился и, слегка нутаясь, стал логически мотивировать свой смех. Совершенно ясно, что этот контраст, эта непроходимая пропасть между сегодняшним и тогдашним...

— Но почему же непроходимая? (Какие белые зубы!) Через пропасть можно перекинуть мостик. Вы только представьте себе: барабан, батальоны, шеренги — ведь это тоже было — и следовательно...

— Ну да: ясно! — **крикнул я (это было поразительное пересечение мыслей: она — почти моими же словами — то, что я записывал перед прогулкой).** — Понимаете: даже мысли. Это потому, что никто не «один», но «один из». Мы так одинаковы...» [8].

Следуя новейшим тенденциям в русской филологии, необходимо быть в курсе современной когнитивистики. С другой стороны, становится очевидной потребность в новом учебной пособии, где были бы систематизированы не только теоретические постулаты данного направления, но и практические рекомендации для семинаров. Попыткой воплотить эту за-

дачу в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена могут служить учебник и практикум для академического бакалавриата «Современный русский язык. Синтаксис» под общей редакцией С. Г. Ильенко [12]. Основным теоретическим источником может выступить приведенное выше издание «Русский язык. Энциклопедия» под редакцией Ю. Н. Караулова [11]. Существуют также периодические издания, освещающие такого рода вопросы. Ярчайшим из них является общероссийский академический научный журнал «Вопросы когнитивной лингвистики», издаваемый совместно Институтом языкознания РАН и Тамбовским государственным университетом имени Г. Р. Державина [7]. Как выразился знаменитый ученый А. А. Потебня, «...язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее...» [10, с. 156]. Задача подготовки современного филолога — научить искать и постигать информационные лакуны новейшей лингвистики, творчески их заполнять, широко используя отечественную и зарубежную литературу.

Подводя итог, скажем: начало и конец «Мы» принадлежат ее главному создателю Евгению Замятину. Именно его воспринимает читатель, пользуясь фразеологизмом «конец — всему делу венец». В данном случае так и хочется употребить слово «эпитафия», не утешающая, а предупреждающая оставшихся о грозящей им катастрофе.

ПРИМЕЧАНИЯ

* В этой связи вспоминаются слова Бернарда Шоу из пьесы «Пигмалион»: «Не забывайте, что вы человеческое существо, наделенное душой и Божественным даром членораздельной речи» (Шоу Б. Пигмалион // Избранные произведения / пер. П. Мелкова, Н. Рахманова (предисл. и послесл.). М.: Панорама, 1993. [Электронный ресурс]. — URL: <http://lib.ru/INPROZ/SHOU/pigmaliot.txt> (дата обращения: 17.04.2018).

** Ссылка на 2-е издание «Русский язык. Энциклопедия» под редакцией Ю. Н. Караулова (1997 г.) входит в нашу «пропагандистскую» программу ознакомления с выдающимися исследовательски-прагматическими результатами.

*** Заметим, что подобные рассуждения характерны и для А. А. Шахматова: «Законченная мысль содержит в себе три психологических элемента: субъект, предикат и чувство связи между субъектом и предикатом. Субъект и предикат свое внутреннее содержание черпают в реальных переживаниях говорящего, данных в его опыте; чувство связи, природа, характер этого чувства имеют источником единственно волю говорящего, его эмоциональное побуждение. Природа этого чувства познается анализом словесной формы предложения; в составе предложения чувство связи может получить несколько различных словесных выражений; так, во-первых, оно может обнаружиться морфологически в форме глагольного сказуемого, посредством изменения его основы или окончаний; во-вторых, в особых служебных словах, сопровождающих сказуемое или главный член предложения; в-третьих, оно может обнаружиться в особенном порядке слов в предложении; в-четвертых, в особенной интонации сказуемого или главного члена односоставного предложения» [16, с. 481].

**** Напомним, что российская проза прошла этап совпадения контактных слов, вводящих косвенную речь и прямую. Показателен в этом отношении и А. С. Пушкин. Так, в «Арапе Петра Великого» очень сдержанный набор вводящих слов: 35 *сказал*, не более 15 других типа *заметил, прервал, спросил*. Значительный разрыв по количественному объему контактных слов прямой и косвенной речи начинается во второй половине XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Избр. тр. Т. 2. М., 1995. С. 115–124.
2. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики. Вступительная статья // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика: сборник: пер. с разн. яз. / сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 3–42.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с фр. Е. В. Вентцель и Т. В. Вентцель; ред., вступ. ст. и прим. Р. А. Будагова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
4. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
5. Болдырев Н. Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. Вып. XXIV: Личность. Язык. Сознание: сборник научных трудов. Посвящается юбилею засл. деят. науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Н. Н. Болдырева / отв. ред. вып. А. Л. Шарандин, отв. секр. вып. Л. В. Бабина. 2016. С. 35–48.
6. Вежбицка А. Речевые акты / пер. с англ. С. А. Крылова // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16: Лингвистическая прагматика: сборник: пер. с разн. яз. / сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 251–275.
7. Вопросы когнитивной лингвистики [Электронный ресурс]. URL: <http://vcl.ralk.info/> (дата обращения: 23.04.2018).
8. Замятин Е. И. Мы / Е. И. Замятин [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0050.shtml (дата обращения: 15.09.2013).
9. Замятин Е. И. Уездное // Избр. произв.: в 2 т. Т. 1 / вступ. статья, сост., примеч. О. Михайлова. М.: Художественная литература, 1990. С. 40, 50, 71, 80.
10. Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 624 с.
11. Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 703 с., 16 с. вкл.
12. Современный русский язык. Синтаксис: учебник и практикум для академического бакалавриата / под общ. ред. С. Г. Ильенко; отв. ред. М. Я. Дымарский. М.: Юрайт, 2017. 391 с. Серия: Бакалавр. Академический курс. Модуль.
13. Степанова В. В. Лексическая структура текста и его заглавие // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С. Г. Ильенко): материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 13–15 ноября 2013 г. / отв. ред. В. Д. Черняк. СПб.: САГА, 2013. С. 67–73.

14. Хардер П. Язык, языки и языковое взаимодействие: к вопросу об объекте (объектах) лингвистического описания // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. Вып. XXIV: Личность. Язык. Сознание: сборник научных трудов. Посвящается юбилею засл. деят. науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Н. Н. Болдырева / отв. ред. вып. А. Л. Шарандин, отв. секр. вып. Л. В. Бабина. 2016. С. 666–684.

15. Хатямова М. А. «Мы» Е. И. Замятина как метароман // Культура и текст. 2005. № 9. С. 136–144.

16. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Учпедгиз, 1941. 620 с.

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. Konnotatsii kak chast pragmatiki slova (leksikograficheskiy aspekt) // Izbr. tr. T. 2. M., 1995. S. 115–124.

2. Arutyunova N. D., Paducheva E. V. Istoki, problemy i kategorii pragmatiki. Vstupitel'naya statya // Novoe v zarubezhnoy lingvistike: Vyip. 16. Lingvisticheskaya pragmatika: sbornik: per. s razn. yaz. / sost. i vstup. st. N. D. Arutyunovoy, E. V. Paduchevoy. M.: Progress, 1985. S. 3–42.

3. Balli Sh. Obschaya lingvistika i voprosyi frantsuzskogo yazyika / per. s fr. E. V. Venttsel i T. V. Venttsel; red., vstup. st. i prim. R. A. Budagova. M.: Izd-vo inostrannoy literaturyi, 1955. 416 s.

4. Bahtin M. M. Voprosyi literaturyi i estetiki. Issledovaniya raznyih let. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1975. 504 s.

5. Boldyirev N. N. Yazyik i struktura soznaniya // Kognitivnyie issledovaniya yazyika / gl. red. serii N. N. Boldyirev; M-vo obr. i nauki RF, Ros. akad. nauk, In-t yazyikoznaniya RAN, Tamb. gos. un-t im. G. R. Derzhavina, Ros. assots. lingvistov-kognitologov. M.: In-t yazyikoznaniya RAN; Tambov: Izdatelskiy dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2008. Vyip. XXIV: Lichnost. Yazyik. Soznanie: sbornik nauchnyih trudov. Posvyaschaetsya yubileyu zasl. deyat. nauki RF, d-ra filol. nauk, prof. N. N. Boldyireva / отв. ред. вып. А. Л. Шарандин, отв. секр. вып. Л. В. Бабина. 2016. С. 35–48.

6. Vezhbitska A. Rechevyie aktyi / per. s angl. S. A. Kryilova // Novoe v zarubezhnoy lingvistike: Vyip. 16: Lingvisticheskaya pragmatika: sbornik: per. s razn. yaz. / sost. i vstup. st. N. D. Arutyunovoy, E. V. Paduchevoy. M.: Progress, 1985. S. 251–275.

7. Voprosyi kognitivnoy lingvistiki [Elektronnyiy resurs]. URL: <http://vcl.ralk.info/> (data obrascheniya: 23.04.2018).

8. Zamyatin E. I. Myi / E. I. Zamyatin [Elektronnyiy resurs]. URL: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0050.shtml (data obrascheniya: 15.09.2013).

9. Zamyatin E. I. Uezdnoe // Izbr. proizv.: v 2 t. T. 1 / vstup. statya, sost., primech. O. Mihaylova. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1990. S. 40, 50, 71, 80.

10. Potebnaya A. A. Slovo i mif. M.: Pravda, 1989. 624 s.

11. Russkiy yazyik. Entsiklopediya. 2-e izd., pererab. i dop. / gl. red. Yu. N. Karaulov. M.: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya; Drofa, 1997. 703 s., 16 s. vkl.

12. Sovremennyiy russkiy yazyik. Sintaksis: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata / pod obsch. red. S. G. Ilenko; отв. ред. М. Я. Дымарский. М.: Yurayt, 2017. 391 s. Seriya: Bakalavr. Akademicheskii kurs. Modul.

13. Stepanova V. V. Leksicheskaya struktura teksta i ego zaglavie // Slovo. Slovar. Slovesnost: Kommunikatsiya. Tekst. Sintaksis (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya S. G. Ilenko): materialyi Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Sankt-Peterburg, RGPU im. A. I. Gertsena, 13–15 noyabrya 2013 g. / отв. ред. V. D. Chernyak. SPb.: SAGA, 2013. S. 67–73.

14. Harder P. Yazyik, yazyiki i yazyikoevye vzaimodeystviya: k voprosu ob ob'ekte (ob'ektah) lingvisticheskogo opisaniya // Kognitivnyie issledovaniya yazyika / gl. red. serii N. N. Boldyirev; M-vo obr. i nauki RF, Ros. akad. nauk, In-t yazyikoznaniya RAN, Tamb. gos. un-t im. G. R. Derzhavina, Ros. assots. lingvistov-kognitologov. M.: In-t yazyikoznaniya RAN; Tambov: Izdatelskiy dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2008. Vyip. XXIV: Lichnost. Yazyik. Soznanie: sbornik nauchnyih trudov. Posvyaschaetsya yubileyu zasl. deyat. nauki RF, d-ra filol. nauk, prof. N. N. Boldyireva / отв. ред. вып. А. Л. Шарандин, отв. секр. вып. Л. В. Бабина. 2016. С. 666–684.

15. Hatyamova M. A. «Myi» E. I. Zamyatina kak metaroman // Kultura i tekst. 2005. N 9. S. 136–144.

16. Shahmatov A. A. Sintaksis russkogo yazyika. M.: Uchpedgiz, 1941. 620 s.